

Руслан Рустамович Солопенко родился в 1990 году в Воронеже. Окончил Воронежскую духовную семинарию, исторический факультет Воронежского государственного университета. Работал старшим научным сотрудником Воронежского областного литературного музея им. И.С. Никитина. Автор многих краеведческих публикаций в воронежских периодических изданиях, а также нескольких книг: «Нижний Кисляй: вехи истории», «Ваш друг, Иван Хлебопеков», «Воронеж Ивана Никитина. Путеводитель по Никитинским местам». В настоящее время занимается исследованием биографии русского поэта Ивана Саввича Никитина. Живет в Воронеже.

Руслан Солопенко

КОСТЁНКИ НА ДОНУ

(История села,
где когда-то была родина мамонтов)

*У них мало слов, чтобы сказать все,
что приходит на ум. Зато глаза их говорят
лучше их бедного языка!*

С.В. Покровский, «Охотники на мамонтов»

Последние лучи заходящего солнца за горизонт освещают меловые холмы, величественно возвышающиеся над величавым Доном. Спят вечным сном седые старики-курганы, многое повидавшие за свой века. Глядя на реку, невольно вспоминаешь старинную легенду об Индере, бытовавшую в здешних краях. Некогда зверь бросил вызов полноводному Дону и решил его испытать. Стихия оказалась сильнее животного: от натуги зверь лопнул, а кости его разлетелись по всей округе и будто бы служат немым напоминанием той неравной борьбы. Если стать на гору, то взору предстанут змейкой ползущие по логам, утопающие в зелени садов, то там, то здесь разбросанные домики жителей Костёнок. Каждый, кто хотя бы однажды побывал в этих местах, запомнит их на всю жизнь. Раз за разом сюда будет тянуть непреодолимая сила — зов предков.

Костёнки, что ныне в Хохольском районе Воронежской области, являются одним из первых основанных в губернии селений, насчитывающих уже более четырехсот лет. Визитной карточкой села по праву считаются стоянки древних людей эпохи верхнего палеолита. Со

всех уголков нашей необъятной Родины и из-за рубежа в Костёнки стекаются ученые и туристы, дабы посмотреть и прикоснуться к остаткам поселений «первых европейцев».

Как ни парадоксально это звучит, но история села на сегодня практически неизвестна широкому читателю. Большинство научной литературы посвящено археологическим раскопкам. Складывается такое чувство, что целые века — XVII, XVIII, XIX и XX-й — как бы уходят от внимания историков.

Из особо значимых научно-исследовательских публикаций о Костёнках я бы упомянул заметки в контексте всей истории Воронежского края доктора исторических наук В.П. Загоровского и краеведа В.А. Прохорова, книгу воронежского историка Н.А. Комолова «...Город стоит в ложине, деревянный: очерк истории Костёнка от Филимона Кагасонова до Екатерины Великой» (2016), а также публикации уроженцев Костёнок: писателя П.В. Сысоева «Былое. Художественная проза и воспоминания» (2007) и краеведов И.В. Раздымалина «Село Костёнки» (1998) и А.Г. Валуйского «Костёнки. Край Воронежский 1642–2012» (2011).

В этом году исполняется 300 лет со дня образования Воронежской губернии. Как нельзя кстати рассказать читателю о старейшем селении края — Костёнках.

ЗАБЫТЫМИ ТРОПАМИ ПРЕДКОВ

Территория, где расположились Костёнки, была заселена человеком с незапамятных времен. Первые поселения относятся ко времени верхнего палеолита, то есть позднего каменного века, общий период которого составляет 45 000 — 12 000 лет до нашей эры.

Если бы мы переместились хотя бы на 20 000 лет назад — в ту далекую эпоху — именно на территорию Воронежской области и, в частности, в Костёнки, то нашему взгляду предстал бы совсем другой пейзаж: холодная тундра-степь с растущими хвойными деревьями, мхами и лишайниками. Пасущиеся на равнинах и в речных долинах мамонты, шерстистые носороги, лошади, северные олени. Встретился бы нам и грозный бурый медведь. Увидели бы мы рыскающих в поисках добычи стаи волков и убегающих от них донских зайцев и песцов.

А по берегам Дона и ручьев расположились небольшие «палеолитические деревеньки» наших далеких предков — охотников-собирателей. Их скромные лачуги были разных конструкций: от больших совместных жилищ до одиноко стоящих чумов. Сверху они обтянуты шкурами, но построены не из дерева, как мы привыкли, а из костей мамонта. Если бы зашли к ним на ночлег, то увидели бы очаг с тлеющими костями вместо дров; мужчин, мастерающих из кремня орудия для охоты; женщин, шьющих косяными иглами одежду для своих домочадцев из шкур животных. Где-то в углу играют дети с вырезанными из кости или мергеля игрушками. Услышали бы наставления стариков-воинов молодым о том, как побороть великого зверя Индера.

На сегодня в Костёнках и соседнем селе Борщево насчитывается 26 официально найденных палеолитических стоянок. Такое большое скопление их в одном месте породило массу споров среди археологов. Что привлекало сюда наших далеких предков? Может, здесь находилось их священное место? А может, водилось много зверья, необходимого для пропитания?

Многие тысячи лет спустя полюбили берега Дона и кочевникам-скотоводам бронзового века. Известно, что 3–2 тысячи лет назад здесь проживали представители так называемых древнеямной, катакомбной и срубной культурных общностей. Как сами себя они именовали, на каком языке говорили, во что они веровали, мы до сих пор точно не знаем. После себя они оставили разбросанные по округе курганы да многочисленные тайны и загадки, над которыми ломают копыя ученые.

Не обошли эти дивные места и воинственные скифы, воспетые древнегреческим историком Геродотом. Можем себе представить, как, подняв бурю пыли, несутся по степи на своих боевых конях, украшенных золотом и серебром, воины, направляющиеся в очередной грабительский поход. Вздываются знамена, блестя на солнце богато украшенные доспехи и повозки вождей, сверкают, как молнии, знаменитые на весь античный мир скифские мечи-акинаки. Кости мамонта, которые будут находить в будущем местные жители, породят всевозможные легенды, некогда связанные со скифским господством. Первый воронежский историк-краевед Е.А. Болховитинов (1767–1837), а в последующем — киевский митрополит, писал: «...а ученые, разыскивая по истории, находят у Геродота и Юстина повествование что Дарий Гистаспов, сын по покорении Вавилона, вознамерился идти войною против скифских народов, между реками Дунаем и Доном кочевавших; войско его состояло из семисот тысяч солдат и при оном находились слоны. Скифы от него бегали, а он за ними гонялся, как пишется в истории по отдаленнейшим пустыням. Армия его от таковых дальних походов ослабевала, и около 80 000 человек померло от оных, что случилось в 508 году до Рождества Христова. Из сей истории заключают, что, конечно, с Дариевою армиею заведены к Костёнску слоны и тут, не стерпев холодного климата, померли; чему ныне уже протекло более 2500 лет...» Замечу, что воронежский историк и вовсе утверждал, что в курганах Костёнок в его время находили не только кости «слонов», но и гигантские останки библейских исполинов — людей-великанов.

Следует упомянуть и разные тюркско-монгольские народы, как волны сменявшие друг друга на протяжении времен: хазары, печенеги, половцы, монголы побывали здесь. Все тот же Болховитинов поведал и еще одно предание, объяснявшее происхождение костей. На этот раз вместо скифов оказалась монгольская армия под командованием внука великого Чингисхана (1162–1227) Бату-хана (1205–1255), известного по древнерусским летописям под именем Батыя. Болховитинов сообщал: «...но, кажется, не нужно так далеко возводить происхождение сих слоновых костей. Разогнем российские летописи и в них увидим гораздо достовернейшую и новейшую эпоху сих костей под 1237 годом, в котором описывается при Воронеже бывшее кровопролитнейшее и роковое для всей России сражение российских князей с татарским ханом Батыем, шедшим с войсками в сии места, и по обычаю древних азиатских армий ведшим за собою, конечно, и сло-

Костёнки. Углянка. Современный вид

нов, нагруженных военными снарядами. Слоны сии без сомнения убиты, или и сами померли от климата, а потому трупы их в одну яму складены и погребены. Сие изъяснение происхождения костенских слоновых костей простее всех предыдущих...» Вот так в духе той поры Евфимий Алексеевич объяснял палеолитические находки.

Справедливости ради нужно сказать, что не только свирепые кочевники приглядели костенские места, но и оседлые племена — славяне. Рядом с Костёнками расположилось еще одно замечательное в историческом плане селение — Борщевое. Именно здесь на рубеже IX-X веков проживали славянские племена, предположительно — вятичи или северяне (донские славяне). В советское время археологами тщательно были исследованы большое Борщевское и малое Борщевское городища. Как назывался этот славянский городок на самом деле, мы не знаем. В летописях о нем и о его жителях не сказано ни слова. Но по археологическим находкам нам известно, что это был крупный и важный город, открывавший свои ворота арабским купцам, которые шли с нагруженными всяческим добром караванами на Запад. Главным товаром арабов в Европе считались их монеты, серебряные дирхемы — так сказать, валюта раннего средневековья.

ОТ ГОРОДА-КРЕПОСТИ — К СЕЛУ

Возникновение Костёнок неразрывно связано с основанием города-крепости Воронежа в 1585/86 годах. Впервые упоминание о селе появляется в «Дозорной книге» за 1615 год: «Пустошь на диком поле в Константиновском яру Федора Оладына на колодезе дикого поля...» Фигурируют Костёнки и в писцовой книге за 1629 год: «Селцо, что был починок на Константиновском яру, Костёнки тож, на колодезе за рекою за Доном, что было в поместье за Федором Оладыным, а ныне владеют помесные казаки». Исходя из обнаруженных данных, воронежский краевед В.А. Прохоров выдвинул предположение, что село Костёнки могло быть основано в конце XVI веке неким Константином, жившим в одном из придонских яров. Поэтому селение и называлось первоначально Константинов яр. Скорее всего, сначала это было ухोजье (юрт) — одиночная изба смелого мужика, занимавшегося рыбной ловлей, охотой и бортничеством и платившего налог в царскую казну. По неизвестным причинам юрт опустел. Может, Константины убили или захватили в рабство кочевавшие здесь татары, а может, он и вовсе просто-напросто покинул эти места. Но уже в 1629–1630 годах новые поселенцы, казаки, основали на бывшем ухोजье постоянное село с небольшой крепостью (острожкой), поэтому Костёнки часто упоминаются под названием Костёнский острожек.

В 1635 году царским правительством было решено начать строительство Белгородской засечной черты (1635–1654) — укрепленной линии на южных рубежах Московского царства, защищавшей границы от постоянных набегов крымских и ногайских татар. В 1640–1641 годах в Костёнском острожке проживали 150 черкас (черкасы — употреблявшееся в XVI–XVII веках в быту и русских официальных документах название украинских и белорусских переселенцев). Сюда они пришли из Речи Посполитой, спасаясь от произвола польской власти. В острожке черкасы несли «городовую службу», но по неизвестным нам причинам вступили в конфликт с воронежским воеводой Вельяминовым, терпя от него притеснения. Казацкие старшины неоднократно писали челобитные московскому царю с жалобами на воеводу, но это не возымело никакого действия. Потеряв терпение, 28 августа 1641 года казаки со своими семьями покинули Костёнский острожек и отправились обратно «в Литву».

Вельяминов не мог просто так отпустить черкас. После трех дней пути их настигли правительственные войска. Казаки решили дать бой. Заняв оборону, они

спроситывались несколько дней. Так как силы были неравны, то беглецам пришлось сдаться в плен (119 человек, не считая женщин и детей). Все их имущество конфисковали, а самих «изменников» посадили в тюрьму. Данный инцидент стал широко известен не только в Московском царстве, но и в украинских землях. Именно из-за этой истории в Костёнках было решено построить не только новую крепость, но и целый городок, что и произошло в 1642 году.

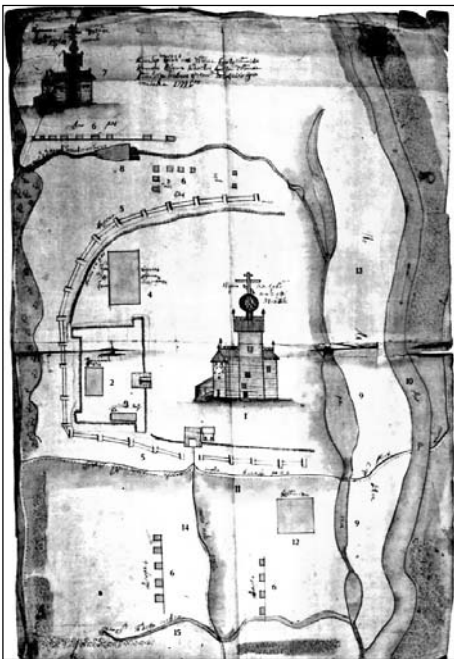
Царская власть решила, что на бывших «изменничьих черкасских местах» нужно поселить более уживчивых и лояльных поселенцев — драгун. Первыми костеновскими драгунами были дети боярские, записываемые на службу в Москве. Им выдавалось жалование по 5 рублей и одна лошадь. Воронежский воевода Ромодановский по своему распоряжению наделил 144 детей боярских драгунской службы в Костёнске землей, конфискованной у черкас. Помимо прочего они были снабжены и хорошим оружием. Среди драгун поселились некоторые воронежцы и другие люди из «иных украинских городов». Воевода Ромодановский назначил главой драгун воронежца, сына боярского Б. Конинского. Именно под его руководством в ноябре 1642 года драгуны построили в сельце на берегу Дона деревянную крепость — Костёнск. Первоначально она состояла из дубовой острожной стены длиной в 55 сажени (сажень — старая русская мера длины, равная 2,134 м) и шириной в 49. В плане город представлял собой прямоугольник с одной башней. Точное место расположения Костёнска до сих пор не выявлено. Постепенно сформировался Костёнский уезд, куда вошли близлежащие села.

Всего лишь через два года в городе была возведена и первая деревянная церковь в честь святого Василия Великого. Воронежский краевед Н. Поликарпов в своей статье «Воронежский край в церковном отношении до учреждения Воронежской епархии (1586–1682)» утверждал, что первая деревянная церковь была построена уже в 1644 году. Привел он и карту церквей Воронежского уезда за XVII век с пояснениями. В переписной книге Воронежского уезда за 1646 год сообщается: «...В селе острожек, а в нем церковь во имя Василия Кесарийского да поп Яков, да в селе ж помесные драгунские службы дети боярские...». По сохранившимся чертежам города Костёнска церквушка находилась за пределами самой крепости. Одним из известных воевод Костёнска являлся Агап Ефимович Прибытков, потомки которого принадлежали к известным дворянским фамилиям Тамбовской губернии. Стоит сказать, что в это время Костёнск был пожалован царской властью, как и другой городок Урыв, беспопытной торговлей, из-за чего в самом Воронеже ненадолго снизились торговые дела.

С увеличением численности населения в городке построили еще две деревянные церкви в честь праздника Покрова Божией Матери и святого Иоанна Предтечи. В сохранившихся документах XVII–XVIII веков Васильевский и Предтеченский храмы поочередно значатся как соборные, то есть главные. По народному преданию, бытовавшему в Костёнках в XIX веке, Предтеченская церковь якобы находилось на месте новой Покровской (1791), старая Покровская же церковь — на месте некой часовни. Что же касается храма Василия Великого, то уже тогда жители не помнили его место нахождения.

До учреждения Воронежской епархии Костёнск входил в ведение рязанского митрополита, который практически не посещал воронежские земли из-за их удаленности. В 1681 году по указу царя Федора Алексеевича (1661–1682) и патриарха Иокима было решено образовать новую епархию — Воронежскую. А уже 2 апреля следующего года на новую кафедру был назначен епископом игумен Макариево-Унженского монастыря Митрофан. Тогда Костёнск наряду с другими городами стал одним из первых, выделенных из рязанской митрополии и переданных в духовное попечение епископу Митрофану.

24 марта 1683 года святитель в письме к царям Иоанну (1666–1696) и Петру

Чертеж города Костёнска.
1722 год. РГВИА

(1672–1725) писал: «...освящен я, Богомолец ваш, вновь на епархии...а моей, государи, епархии города: Воронеж, Елец, Коротояк, Землянск, Урыв, Орлов, Костёнской...». В июне 1699 года царь Петр Алексеевич в письме к приказным людям и воеводам городов, в том числе и в Костёнск, наказывал, чтобы те всячески помогали епископу Митрофану в его «духовных делах». Нужно также сказать, что некоторые жители Костёнска были особо уважаемы епископом Митрофаном. В своем синодике для поминовения он указал: «...города Костёнска соборные церкви Предтеченскаго попа Семиона... города Костёнска подъячего Антона Попова... дал Костёнские приказные избы подъячий Антон Попов в поминовение отца своего черного священника Сергия записать в синодик рубль...»

В конце XVII — начале XVIII веков город Костёнск стал одним из важных административных пунктов губернии. Здесь по указу царя Петра Алексеевича располагались хлебные магазины для Воронежского адмиралтейства, а также местными мастерами изготовлялись бочки

для смолы. По повелению самодержца древние дубовые леса, некогда окружавшие город, были вырублены для корабельных нужд. В это время по неизвестным причинам старейшую Васильевскую церковь упразднили. В 1696 году, с апреля по май, направляясь в Азовский поход, мимо Костёнска проплывали корабли под командованием соратника царя, контр-адмирала Патрика Гордона и самого Петра Алексеевича. В журнале Путного шествия было отмечено: «Костёнск стоит в лощине, деревянный от реки с пол-версты на берегу пустая башня».

Известно, что царь Петр проявлял неподдельный интерес к Костёнкам, и прежде всего к большому количеству находимых там костей. В 1696 году солдат Ф. Катасонов по поручению царя приехал в город для изыскания «больших костей». Это было самое первое «научное» археологическое исследование. Затем о «слоновых костях» упомянул в своих дневниках важный гость самодержца, голландский путешественник и живописец Корнелий де Бруин, побывавший в Воронеже. Голландец изумился находимыми большими костями и не мог логически объяснить их появление в здешних краях. Благо, на помощь пришел сам царь, который и пояснил Корнелию: все эти находки — не что иное, как погибшие от холода боевые слоны полководца Александра Македонского. В 1717 году Петр Алексеевич в письме к азовскому вице-губернатору С.А. Кольчеву писал: «Повелевает в Костёнску и в других городах и уездах губернии... приискивать великих костей, как человеческих, так и слоновых и всяких других необыкновенных...» для своей кунсткамеры в Санкт-Петербурге.

В Костёнске произошла еще одна достойная внимания история, связанная с Петром Великим. В очередной раз Воронеж ждал визита царя-батюшки, и поэтому воронежское адмиралтейство разослало указы к городским воеводам о том, чтобы те распорядились наловить рыбы и привезти ее в Воронеж к приезду госу-

даря. Те же, в свою очередь, по разным причинам отказывались выполнять поручение, оправдываясь, что на реке Усмани из-за коряг рвутся сети, а на Дону по каким-то причинам и вовсе нельзя вылавливать рыбу. Самым смекалистым воеводой оказался костенский. Он знал, что у местного настоятеля отца Семиона, владельца крепостных крестьян, есть в собственности и рыбные озера. Недолго думая, воевода поставил около них караул и приказал всю священническую рыбу изловить и доставить в губернский город царю.

В XVII–XVIII столетиях село Костёнки именовалось по-разному. Как уже отмечалось выше, в документах первоначально оно называлось Константинов яр. Воронежский краевед В. А. Прохоров выдвигал предположение, что название связано с «Константиновым колодезем», упоминавшимся в «Писцовой книге». Но В. П. Загоровский не соглашался со своим коллегой и считал, что название происходит не от имени Константин, а от урочища, где находили кости, то есть Костёнки, которое фигурирует в той же книге. Затем после строительства в 1630-е годы небольшой крепости, Костёнки в письменных источниках, именовались под названием Костёнский острожек, а со строительством города-крепости — Костёнском. Хотя встречаются и иные названия села: к примеру, Костянки, Костёнской и Кастинск.

В 1720–1740-е годы добавляются и другие наименования. В ревизских сказках (переписи населения) и иных документах город Костёнск называется собственно городом Костёнском, а также Покровской слободой (селом) и Предтеченской слободой (деревней). Воронежский краевед Д. И. Самбикин по этому поводу писал: «Под этим названием, кажется, нужно разуметь Костёнки, так как старинное это село в Атласе не упомянуто, а близ Покровского упомянута Предтеченская... в бывшем г. Костёнске было две церкви Покровская и Предтеченская, вероятно, по их именованиям и названо село Костёнки состоящее из Покровского села и Предтеченской деревни...»

Из особо значимых событий этого периода можно выделить несколько. 3 февраля 1763 года новым епископом Воронежа стал Тихон (Соколов), более всего известный нам как святой Тихон Задонский. Известно, что он, как и некогда епископ Митрофан, следил строго за нравами духовенства и паствы. Так, некий костенский протоиерей, ведя не очень-то благочестивый образ жизни, попал в немилость к правящему владыке. В его резолюции от 6 октября 1764 года читаем: «...А Костёнского протопопа освободить из-под начала, ежели поп в монастыре до сего времени жил постоянно и трезво...» Чем провинился тот батюшка, мы уже и не узнаем. В целом могу сказать, что нравы сельского духовенства не слишком-то отличались от нравов паствы. Пьянство, драки и тому подобное были в порядке вещей, хотя и осуждались и пресекались духовными властями.

В 1768 году Воронеж посетил известный натуралист и путешественник Самуэль Готлиб Гмелин. Как никто другой он был наслышан об историях с древними костями и, естественно, захотел посетить город Костёнск. Приехав сюда на следующий год, неутомимый ученый тут же решил заняться раскопками вдоль песчаного берега Дона. Сразу же открылось множество костных останков мамонта. Гмелин заинтересовался у местных жителей: откуда это все взялось? Костёнки простодушно отвечали, что это останки древнего подземного четвероногого зверя, погибшего в незапамятные времена. Не обошел ученый своим пристальным вниманием и сам городок. Он писал, что Костёнск «худ и мал», ограждения развалились, все пришло в запустение и небрежение. Что же касается жителей, то они занимались обычным земледелием, что в свою очередь, по мнению Гмелина, приносило им хороший материальный достаток и ставило их между дворянами и крестьянами. Ученый еще не раз бывал в Костёнках. Последний раз он посетил городок 25 мая 1769 года. В записях в его дневнике описаны живописные виды

меловых холмов, растущие здесь дикие колокольчики и тюльпаны, барбарис да дикая рябина с черным кленом. Особый интерес представляют заметки ученого о суевериях и предрассудках жителей Костёнска. Он поведал, что местные верят в лешего, а когти филина служат оберегом от колдовства.

К 1777 году в Костёнске имелось две деревянные церкви, канцелярия, воеводский дом и 210 домов жителей. Население составляли 2 дворянина; 2459 однодворцев (потомки служилых людей — стрельцов, казаков, пушкарей — категория государственных крестьян в XIX веке); 79 крепостных крестьян и 3 выходца из Малороссии. Через два года из-за утраты стратегического значения город-крепость Костёнск, защищавший более ста лет рубежи Московского царства, был упразднен и стал обычным селом Воронежского уезда.

К концу века было принято решение разобрать старую деревянную Покровскую церковь и упразднить Предтеченский соборный храм. На его месте в 1791 году построили новую кирпичную Покровскую церковь. Во второй половине XIX века жители Костёнок показывали место расположения старого деревянного Покровского храма. Дескать, он находился «в так называемой части Костёнок “Покровка”», а на его месте тогда была небольшая часовня. Краевед Дмитрий Самбкин писал: «...Покровка расположена между горами в красивой местности. Вид на нее с горы, где ныне церковь, прелестный. Верх яра (или лога) в народном предании носит название “Кудеярова”...» Новая церковь была большой, помимо главного алтаря имела предел Рождества Иоанна Крестителя (находился в трапезной храма) и выделялась своим стилем барокко из всех строений Костёнок.

За 1795 год податное население Костёнок в 4-ую ревизию состояло из казенных поселян и однодворцов в бывшем городе Костёнске в количестве 1302 человека. За пятую ревизию данные отсутствуют. В Предтеченской слободе по 5-й ревизии — 831 человек, а в Покровской слободе — 735.

Отдельно бы хотелось сказать о воспоминаниях одного из известных уроженцев Костёнок, мемуариста из дворян Алексея Аникеевича Бартенева (1792–1860). Как известно из мемуаров Бартенева, его род по отцу происходил из курских дворян. Затем в связи с упразднением стрелецкого войска многие дети боярские и стрельцы остались без службы и были записаны в крестьяне-однодворцы — в частности, однодворцами стали прадед и дед Бартенева. Придя к власти, императрица Екатерина Великая разрешила бывшим дворянам восстановить свое дворянство гвардейской службой. Этим разрешением воспользовался отец мемуариста Аникей Бартенов, который стал служить в Преображенском полку. По матери его род также был связан с Курском. Так, бабушка была выдана замуж за подпоручика С.С. Долженкова, ветреного и беспечного человека. В связи с трудными родами она скончалась, оставив своему никудышному мужу дочку. Но тот «по беспечности своей» оставил дочь на попечение родственникам, а сам уехал подальше в «привольные места» на Дону искать счастья. Купив близ города Костёнска имение, новый владелец стал вести разгульный образ жизни, промотав последние деньги от продажи своего старого имения в Курске. В целом обо всех перипетиях жизни семьи Бартенева можно почитать в его мемуарах. Поверьте, это того стоит.

Когда матери Бартенева минуло 13 лет, его прабабушка, восьмидесятилетняя старушка, выдала внучку замуж за уже упоминавшегося выше Аникея Бартенева. От разгульного Долженкова, к тому времени уже умершего, осталось имение под Воронежем — единственное, что досталось его дочери, — которое решили посетить молодожены. Вот как об этом пишет сам Алексей Аникеевич: «...Приехав туда, нашли господский двор с большим садом над самой рекой Доном. По приезде на двор 80-летняя бабка поражена была изумлением, увидав, что около дома все притворы окон приперты были костями. По набожности и старообрядчеству, она, назвав это грехом и соблазном, не прежде согласилась войти во двор, как по-

стаскали со двора эти допотопные древности, ныне редкие: это были слоновые и других допотопных зверей-великанов кости; на другой день приказали вырыть яму поглубже и засыпали их землей. А проказник дедушка совсем не для греха и соблазна, а так, от нечего делать, и для антика, усмотрев под двором, на берегах реки Дона, огромные кости допотопных животных, тогда бывшие во множестве, из которых были берцовые до 3 аршин, — натаскали их во двор, обставив дом, чтоб задавать страх суеверным бабам, — они, проходя мимо, крестились, а он смеялся...»

В 1790 году супруги с прабабкой переехали из Курска под Воронеж на постоянное место жительства. Отец автора мемуаров остался в памяти жителей Костёнок как добрый человек и хороший управленец. Первым делом, чтобы семья не испытывала нужды, он занялся восстановлением костеновского имения. Соседи все его любили и проявляли к Аникею уважение. Именно здесь в Костёнках и родился будущий мемуарист: «...Над самым берегом этой прекрасной реки произошел я на свет 1792 года, марта 9 числа, как мать моя рассказывала, на рассвете, при первых лучах ясного солнца над безоблачным небом...» Далее автор воспоминаний продолжает: «Эта река (Дон) ныне от заселения и времени в 60 лет моей памяти много изменилась: берега обнажились, леса, которых тень не давала ветрам уносить из лона ее влагу, большею частью истреблены жадностью людей, не знающих меры довольства, или не хотевших поддерживать жизнь в природе...»

В селе на берегах Дона Алексей провел свое детство, пока его, десятилетнего мальчика, родители не отвезли в Воронеж учиться. Он с большой любовью вспоминал, как его дедуля и родители, а особенно родная прабабушка. С юмором Алексей Аникеевич вспоминал, как он решил подразнить гусака, а тот «подобно змее злобной» бросился на него и начал щипать. Убегал он и от разъяренного быка, и от черной косматой собаки, спасал маленькую сестренку от злого коршуна.

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ АРХЕОЛОГИЮ

В первой половине XIX столетия село Костёнки ничем не выделялось. С утратой городского статуса селение превратилось в глухую местность на Дону. Здесь не было заводов, фабрик, торговых лавок, что делало бы его привлекательным. На 1859 год в Костёнках из всего примечательного значилась только одна Покровская церковь при 463 дворах местных жителей. Они, как и прежде, занимались сельским хозяйством. В 1865–1867 годах было решено расширить церковь. Появилось еще два придела в честь святого Василия Великого (по правую сторону рядом с главным алтарем) и пророка Ильи (по левую сторону). Приход имел 138 десятин земли. Прихожан насчитывалось 2170 душ.

Так и были бы Костёнки ничем не приметным селом на Дону, если бы не проезд ранним июньским утром 1879 года ученого-антрополога И.С. Полякова, открывшего миру костеновскую палеолитическую стоянку. Иван Семенович являлся одним из первых русских антропологов, занимавшихся исследованием палеолита. К приезду в Воронежскую губернию он уже исколесил практически все углы Российской империи, побывал там, где встречались следы жизнедеятельности древних людей. Конечно же, он читал рассказы Готтлиба Гмелина о «слоновых костях», находимых в Костёнках. Его книга «Путешествие по России для исследования трех царств естества» пользовалась популярностью среди русских ученых более ста лет. Поэтому, недолго думая, 10 июня 1879 года он прибыл в Воронеж, дабы лично убедиться в заметках немецкого натуралиста.

В Воронеже И.С. Поляков начал наводить справки о Костёнках, но кроме уже известной информации, переданной некогда Гмелиным, ничего нового не узнал.

А многие и вовсе не слышали о Костёнках, а тем более о находимых там костях. Не получив помощи от воронежской администрации, антрополог вновь обратился к гмелинской книге путешествий — благо, она находилась в городской публичной библиотеке. Еще раз внимательно ее прочитал и на следующий день отправился в Костёнки. На ночлег остановился в селе Гремячем.

Добравшись до селения, антрополог и становой пристав собрали в избе сельский сход из местных жителей. Что происходило дальше, описал сам Иван Семенович: «...После решения разных мирских дел был предложен роковой вопрос о костях. Как и следовало ожидать, ответ на него был получен отрицательный; представители сельского мира стояли на своем даже и тогда, когда пришел к нам почетный старец, о. Семен, состоящий в селе священником уже более 35 лет. — “Нет! Нет, — какия кости!...” — “Не видали, нет, — где!...” — “Да вот было...”, — начинает один мирянин. — “Да что было?!” — перебивает его другой, более авторитетный...». Не добившись ничего внятного, И.С. Поляков начал терпеливо ждать тех односельчан, которые все же ему поведают местные тайны, что в итоге и произошло.

Первым, кто откликнулся на призыв ученого, оказался местный рыбак. Он посоветовал обследовать берега Дона, так как по весне ежегодно вымывалось множество костей. Затем ученому посоветовали обойти так называемый Чекалин овраг, где тоже постоянно находили кости. Обследовав указанные уголки села, исследователь вернулся в свою избу, в которой квартировал. Тут уже его поджидала местная старушка с обломком кости мамонта. Он отблагодарил ее финансово за подарок. А уже к вечеру в его избу местные жители принесли больше костей, найденных в Костёнках в разные годы то при добыче глины, то при копке погребов. И показали, где все это было обнаружено. Иван Семенович в течение нескольких дней осмотрел все овраги, лога и ручьи: Чекалин, Покровский и Александровский. Одним из больших скоплений находок являлось так называемое Глинище. Но главным центром изучения все же стал левый берег Покровского ручья, что близ Коноваловой горы. Счастливые стечение обстоятельств помогли Ивану Семеновичу совершить открытие мирового значения — открыть стоянку древнего человека.

Местному псаломщику Федору Абрамовичу Мануилову, большому любителю пчел, взбрело в голову выкопать яму для ульев на зиму (амшаник). Поляков, узнав об этом начинании, с радостью вызвался помочь псаломщику. Археолог вспоминал: «...Я вырыл помещение для трудолюбивых насекомых в той самой почве, на которой некогда совершалась жизнь самая своеобразная, самая поучительная. И очень может быть, что пчелы по многим фактам своего общественного благоустройства превзойдут того человека, который оставил следы своего существования в глубине земли на слое глины, послужившем основанием для их нынешнего жилища». На следующий день Иван Семенович выкопал не только кости мамонта, но и кремневые орудия труда и охоты, чем доказал общественности, что десятки тысяч лет назад здесь жили и охотились на мамонта люди каменного века. Радости ученого не было предела. Работники, помогавшие Полякову, только восторженно кричали: «Барин, *мослы* (в Костёнках и по сей день люди старшего поколения так называют кости. — *Р.С.*) пошли!», «Барин, кремни пошли!» Сосед псаломщика, крестьянин Фокин, увидев, что найдены древности, поведал Полякову, что и у него на участке есть много мослов. Помимо прочего, Иван Семенович исследовал двор еще одного местного крестьянина — Григория Шаева. При строительстве погреба снова были обнаружены древние находки. На вопрос, заданный жене Шаева, не находились ли здесь прежде кремневые орудия, Поляков как всегда услышал один и тот же ответ: «Не знаю, может, и были, да я не смотрела, ведь нам это ни к чему».

Именно в Костёнках Иван Семенович записал местную легенду о древнем звере Индере, лопнувшем из-за того, что решил «перепить Дон». Под зверем ученый понимал мамонта, который остался в легендах и преданиях многих народов. В общем, гостил ученый всего лишь 10 дней, и за это время он смог совершить открытие, прославившее его и Костёнки на весь мир.

После И.С. Полякова в 1881 году в село приехал другой видный деятель науки — антрополог А.И. Кельсиев вместе с художником Н.Н. Гардениным. Ничего нового ученый не обнаружил — за исключением того, что местные старухи брали кусочки костей, толкли их в ступе и, перемешав с ладаном, окуривали больных лихорадкой. Замечу, что среди русского крестьянства предметы эпох палеолита, неолита и бронзового века часто наделялись магическими свойствами — будто бы они исцеляли и оберегали (например, «громовые стрелы» — кремневые орудия (наконечники стрел, копий, топоры)).

К концу 1880-х годов в Костёнках возросло население до 4348 человек при 688 дворах. В 1887 году в селе открылась первая школа — церковно-приходская. После отмены крепостного права и зарождения капиталистических отношений во многих селениях страны некоторые крестьяне отходили от традиционного сельского хозяйства. Благодаря заводскому и фабричному производству формировался рабочий класс. Там же, где крупных предприятий не было, крестьяне занимались торговлей. Таким коммерческим селом в Воронежской губернии стали Костёнки.

В 1891 году в селе на Дону побывал еще один известный путешественник и этнограф — Евгений Львович Марков. В своей статье «Древний город Костёнок», опубликованной в журнале «Русский вестник», он писал: «Костёнок — один из живописнейших уголков этого живописного и величественного берега... Он угнездился по скатам и обрывам двух крутых холмов в глубокой ветвистой пазухе, которая прячется между ними. Церковь его венчает своими крестами высоко поднятую террасу обрывистой горы, слева от долинки, на самом неприступном и самом древнем месте этого древнего города. На верху этой природной крепости до сих пор уцелели вокруг крестьянских гумен валы и кладбище неведомого городища, которое в народе носит имя “Кудеярова городка”. Теперешние Костёнки уже не стоят прямо над обрывами Дона, как стоял, по-видимому, древний город Костёнок...» На мой взгляд, приведенные свидетельства Евгения Львовича проливают свет на поиски крепости в настоящее время.

Одним из первых, кто начал заниматься коммерцией в Костёнках, стал почетный гражданин Аносов (в Костёнках один из логов называется Аносов). Он содержал переправу через Дон. На переправе работало 7 человек, находился баркас, паром и две лодки. С ростом населения и торговли Костёнки стали волостным центром и местом пребывания урядника (полицейского).

В 1897 году согласно данным всеобщей переписи населения Российской империи в селе проживало более пяти тысяч человек. В этот же год по случаю коронации императора Николая Александровича жители Костёнской волости в знак уважения к государю изготовили за свой счет икону святых Николая, Александры и Ольги для сельской Покровской церкви.

Известны имена и местной администрации — волостного правления (здание построено в начале XX века, ул. Набережная, 138). Поочередно занимали должности волостного старшины Н.Б. Аралов, П.И. Бахметьев, П.И. Чернышов, П.Д. Карманов, С.П. Кораблинов, Д.Г. Латынин и их бессменный писарь Н.В. Безхмельницын.

Как уже отмечалось, многие жители Костёнок стали купцами (коммерсантами). Среди купеческих заведений выделялись магазины вина и водки П.П. Борисова; магазины красных товаров (тканей и фурнитуры) Н.А. Аносова и М.И. Ми-

накова, Н.И. Костина, А.В. Тищенкова; лавки мелочной бакалеи (специи, пряности, сухофрукты) Н.И. Бутырина, В.Г. Бочарова, М.М. Куксова, А.В. и А.И. Бочаровых, Н.А. Басова; бакалеи с продажей табака Е.И. Араловой; мелочная лавка с пекарней Е.А. Якунина; чайные лавки А.Ф. и М.А. Басовых; трактир М.М. Сазонова; мануфактурная А.Е. Сафонова и другие.

В конце XIX — начале XX веков в Костёнскую волость входили хутор Калганов с 3 дворами, 9 мужчинами и 5 женщинами и собственно село Костёнки с 889 дворами, 3083 мужчинами и 2840 женщинами. В 1906 году население несколько уменьшилось. Произошло это в связи с социально-экономическими проблемами в стране — в частности, с нехваткой земли. В волости находились сторожка около моста через реку Дон с одним двором и одним мужчиной; Костёнские выселки (у Погонова озера) с тремя дворами, семью мужчинами и четырьмя женщинами; Костёнская общественная хата для рабочих во время лова рыбы на Дону и озере Погонове с одним двором и одним мужчиной. Располагался фельдшерский пункт, почтовая станция с 4 лошадьми, две школы — церковно-приходская и земская.

В 1905 году на средства земства (уездные и губернские распорядительные и исполнительные органы всесословного самоуправления, введены земской реформой 1864 года. — Р.С.) в селе была построена земская школа. Здание земской школы сохранилось — сейчас там расположена местная церковь по адресу ул. Протопопова, д. 1а. В школе обучались 50 мальчиков и 10 девочек. К 1914 году ее посетили уже более двухсот детей. В церковно-приходской школе учились 24 мальчика и 3 девочки. А через четыре года в селе помимо всего вышеперечисленного имелись паровая мельница, маслобойный завод и три кирпичных завода.

В 1912 году в Костёнках произошло еще одно знаковое событие — открытие монумента императору Александру II (1818–1881). Памятник царю-освободителю в селе был открыт 29 августа на средства местных крестьян. Ими было пожертвовано 166 рублей. Бюст изготовили из цинка в Петрограде на фабрике Э.Э. Новицкого.

На 1916 год по переписи в Костёнках насчитывалось 6549 жителей. Было известно и то, что в окрестностях села находились богатые залежи мергеля — сырого материала для изготовления цемента. Местные пейзажи дополняли 10 ветряных мельниц. Действовали и 15 водяных мельниц. Перед революцией в селе проходили три ярмарки — 17 марта, 1 мая и 26 сентября. Часто в Костёнках находят детские глиняные игрушки-свистульки — старооскольские барыни, продаваемые на ярмарках.

25 октября 1917 года совершилась Октябрьская революция. К власти в стране пришла партия большевиков. Революция полностью изменила страну и общество. Село Костёнки вступило в новый этап своей истории.

Устаревшие слова и выражения,

записанные Р.Р. Солопенко от Р.И. Юрьевой в селе Костёнки в 2025 году

<i>Абапала</i>	— около сарая (хлева).
<i>Беду делать</i>	— увозить телегу, обмазать дегтем двери (куролесить).
<i>Блатовали</i>	— дружили.
<i>Бодульжки</i>	— ветки, палки.
<i>Манежутъ</i>	— тянут время.
<i>Мослы</i>	— кости.
<i>Може</i>	— может.
<i>Недурно</i>	— хорошо.
<i>Сымали</i>	— сняли.

<i>Стрелять</i>	— делать.
<i>Кажный</i>	— каждый.
<i>Яр</i>	— овраг.
<i>Клетка</i>	— кладовая.
<i>Идей-та</i>	— где-то.
<i>Замудовал</i>	— замучил.
<i>Нехай</i>	— пускай.
<i>Тякей</i>	— такой.

Использованные источники и литература

Археология Центрального Черноземья (Дон). Воронеж: Научная книга, 2022.

Вейнберг Л.Б. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Древние акты XVII столетия. Выпуски 1-16. Воронеж: Типолиитография Губернского правления, 1885–1889.

Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. В 3 томах (4 книгах). СПб.: Императорская Академия наук, 1777–1785.

Глазьев В.Н. Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. как исторический источник. Воронеж: ВГУ, 1998.

Валуйский А.Г. Костёнки. Край Воронежский 1642–2012. Воронеж: Новый взгляд, 2011.

Воронеж в воспоминаниях и письмах современников. XIX — первая треть XX века. Публикация, предисловие и комментарии А.Н. Акиньшина. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2025.

Воронежский край XVIII века в описаниях современников. Воронеж: Центрально-черноземное книжное издательство, 1992.

Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1976.

Воронежский край в XVIII веке. Документы и материалы по истории края. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1980.

Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1969.

Загоровский В.П. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1973.

Ефименко П.П. Костёнки I. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1958.

Комолов Н.А. «Город стоит в долине, деревянный...»: очерк истории Костёнка от Филимона Катасонова до Екатерины Великой. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2016.

Поляков И.С. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1880.

Прохоров В.А. Вся Воронежская земля. Воронеж: Центрально-черноземное книжное издательство, 1973.

Россия: полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Том 2. СПб.: Издательство А.Ф. Дервиена, 1902.

Архимандрит Дмитрий (Самбикин). Очерк постепенного населения Воронежской губернии. Воронеж: типография В.И. Исаева, 1886.

Архимандрит Дмитрий (Самбикин). Хронологический указатель церквей в Воронежской епархии (1586-1886 гг.). Воронеж: типография В.И. Исаева, 1886.

Архимандрит Дмитрий (Самбикин). Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии. Выпуски 1-4. Воронеж: типография В.И. Исаева, 1884–1886.

Периодические издания

Акиньшин А.Н., Киреев Д.Ф. Податное население Воронежского наместничества по данным пятой ревизии // Из истории Воронежского края. Выпуск 27. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2022.

Акиньшин А.Н. Бартнев А.А. Жизнь и воспоминания одного дворянина // Из истории Воронежского края. Выпуск 17. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2022.

Воронежская старина. Выпуски 1–14. Воронеж: Типо-Литография В.И. Исаева и Типо-Литография Товарищества Н. Кравцов и К. 1902–1916.

Воронежская губерния: список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб.: Издательство Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1859.

Воронежские губернские ведомости. 1848, № 5.

Воронежские епархиальные ведомости. 1866, № 1; 1876, №№7,10; 1901, № 22; 1902, №№7, 8.

Воронежская область. Районы и города. Экономическо-статистический справочник. Воронеж, 1937.

Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга. Воронеж: Типо-Литография В.И. Исаева, 1900.

Марков Е.Л. Древний город Костёнск // Русский вестник. № 12. СПб.: Общественная польза, 1891.

Памятные книжки Воронежской губернии. 1856–1916 годы. Воронеж: Типография Губернского правления, 1856–1916.

Солопенко Р.Р., Коровин В.Ю. Таинственные кости: представления воронежских крестьян о древних ископаемых // Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Выпуск 18. Воронеж: Научная книга, 2024.

Сведения о населенных местах Воронежской губернии. Воронеж: Типо-Литография Губернского правления, 1906.

